

**«Никому не желаю зла!»:
Евгений Ладнов и его жизненные траектории**

Баринов Игорь Игоревич

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

Институт славяноведения РАН

119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация

E-mail: ingobarinov@gmail.com

ORCID: 0000-0003-0154-1506

Коровченко Елена Валерьевна

Независимый исследователь

Минск, Республика Беларусь

E-mail: poiskpredkov028@gmail.com

ORCID: 0009-0000-7796-974X

Цитирование

Баринов И. И., Коровченко Е. В. «Никому не желаю зла!»: Евгений Ладнов и его жизненные траектории // Славянский альманах. 2024. № 1–2. С. 103–119. DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.05

Статья поступила в редакцию 29.12.2023.

Рецензирование завершено 15.02.2024.

Статья принята к публикации 12.03.2024.

Аннотация

Статья посвящена изучению биографии Евгения Ладнова, деятеля Белорусской народной республики (БНР), который занимал высокие посты в ее правительстве и возглавлял белорусскую делегацию на Парижской мирной конференции. Считается, что изменения, связанные с революцией 1917 г. в России, активно способствовали формированию новых жизненных траекторий, когда чиновники и военные низкого ранга становились министрами и генералами. В ряде случаев это сопровождалось формированием новых идентичностей (в частности, переходом от русского к белорусскому сознанию), однако порой подобные изменения носили сугубо инструментальный характер и были реакцией на меняющиеся обстоятельства. На примере семейной истории Ладнова можно проследить, что последний сценарий мог реализовываться задолго до революции, а события

1917 г. стали здесь лишь очередным этапом. Будучи этническим поляком и выходцем из западного пограничья империи, Ладнов прошел череду ситуативных изменений – от «польскости» через «русскость» к «белорусскости». При этом его энергичная натура всякий раз способствовала тому, что он искренне воспринимал смыслы и паттерны, свойственные каждой из названных идентичностей. При подготовке статьи были использованы ранее неизвестные документы, касающиеся Ладнова и его семьи.

Ключевые слова

Российская империя, русская революция 1917 г., Белорусская народная республика, белорусское национальное движение.

Евгений Михайлович Ладнов (1880 – после 1932), личность которого в наши дни известна разве что историкам, в свое время был в первых рядах тех, кто создавал «обновленную Россию». Выходец из простой семьи, попытавшийся сделать военную карьеру, в переломном 1917 г. он стал одним из руководителей Харьковской организации эсеров и участвовал в Государственном совещании в Москве. Когда политический климат после прихода к власти большевиков стал меняться, Ладнов, уроженец Витебской губернии, примкнул к белорусскому национальному движению. С 1918 по 1921 гг. он был заметным деятелем Белорусской народной республики (БНР), где занимал министерские посты, участвовал в выработке дипломатической стратегии и был близким соратником А. Луцкевича, одного из белорусских лидеров. Последовавший затем кризис белорусского движения и попытки Ладнова играть в нем самостоятельную роль привели к его обвинению в шпионаже в пользу Советской России и одномоментному уходу из политики. Последние сведения о жизни Ладнова относятся к началу 1930-х гг., после чего он исчезает из виду. Его точная дата и место смерти по-прежнему остаются неизвестными.

Стоит отметить, что жизнь и деятельность Ладнова уже становились объектом изучения¹. Вместе с тем нехватка первичных источников, особенно касающихся его ранних лет, приводила к тому, что историкам приходилось ориентироваться на его собственные высказывания. Открытие новых документов и глубокое изучение

¹ Чарнякевіч А. М. Міністр БНР: дзіўныя шляхі Яўгена Ладнова // Личность в истории: героическое и трагическое. Брест, 2012. С. 243–249.

семейной истории Ладнова позволили восполнить этот пробел, вписать его личность в контекст общих изменений, происходивших в Российской империи на заключительном этапе ее существования, а также рассмотреть, как менялись его жизненные траектории на постимперском пространстве.

Отмена крепостного права и либеральные реформы Александра II запустили в России сразу несколько процессов, которые способствовали заметным переменам в структуре общества. Прежде всего это касалось увеличения мобильности населения и упрощения доступа к образованию. Наряду с этим, военная реформа сделала армию всеобщевойсковой и превратила ее в социальный лифт, который, в противоположность прежней рекрутчине, быстро набрал популярность у «простого люда». Не менее важной составляющей для формирования новых идентичностей стала политика русификации, проводимая имперскими властями. Вопреки расхожему представлению, она включала достаточно широкий спектр вариаций и далеко не всегда обозначала навязывание определенных моделей самоидентификации сверху. В указанное время в обществе развернулась дискуссия о национальном (русском) характере империи и самих критериях «русскости». Среди прочего речь шла о русском языке и православном исповедании.

В этом отношении примечательно, что жители империи, так или иначе не относившие себя к великороссам, на удивление точно осознавали механизмы, которые были способны сделать из них «идеальных подданных» и, как следствие, улучшили бы их социальный статус. Особенно это касалось представителей тех сообществ, которые власть рассматривала как не вполне лояльные или даже подозрительные. Так, евреи в «черте оседлости» начинали говорить по-русски, и во многом именно они, а не представители государственных учреждений, стали проводниками этого языка на западе империи. Поляки формально переходили в протестантизм, чтобы обойти антикатолические настроения имперского центра. Немцы, особенно в годы Первой мировой войны, русифицировали свои фамилии или придумывали себе новые.

В полной мере эти тенденции воплотил в себе Михаил Томашевич Ладневский. Он родился в 1846 г. в Варшаве в католической семье крестьянского происхождения. По всей видимости, он был сыном Томаша и Марианны Ладно (Ładno), жителей деревни Глинянка из-под Варшавы². Переехав в столицу Царства Польского,

² Archiwum Państwowe w Warszawie. Oddział w Otwocku. 78/22/0/1/21. Ark. 14 v.

Ладно облагородили свою фамилию и стали писаться на шляхетский манер – «Ладневские», что в тот период могло дать определенные преимущества. Молодость Михаила пришлось на эпоху перемен. Когда ему исполнилось 17 лет, на территории бывшей Речи Посполитой разразилось восстание, в корне изменившее взаимоотношения власти и польского сообщества. В этой ситуации молодой Ладневский, как можно видеть, выбрал не национальное сознание, а социальный лифт. Согласно документам, он поступил на службу в армию и окончил полковую учебную команду, что позволило ему выйти в отставку в унтер-офицерском чине. Поселившись в Динабурге (совр. Даугавпилс), крестьянский сын Михаил Ладневский получил место кондуктора на Риго-Орловской железной дороге и в январе 1875 г. женился на местной уроженке, дворянке Донате Адамовне Лапинской³. Там же родились все их дети. Старшим из них был Евгений, который появился на свет 7 июля 1880 г.⁴ В семье также было еще три сына – Вацлав, Стефан и Сигизмунд, а также дочь Мария⁵.

Следует подчеркнуть, что в представлении российских властей Ладневские однозначно квалифицировались как поляки – согласно материалам переписи 1897 г., они были католиками с родным польским языком. При этом уже тогда они стали писаться под фамилией «Ладновы»⁶. Несомненно, такой резкий поворот в сторону «самообрусения» был связан с новой волной русификации в регионе, происходившей в конце 1880-х – 1890-х гг. Хотя Динабург формально не относился к Остзейскому краю – главному объекту русификаторской политики, – он оказался тоже затронут ею. В 1893 г., когда Дерпт стал Юрьевым, Динабург превратился в Двинск. Наличие в нем стратегического военного объекта – Двинской крепости – способствовало заметному усилению русского присутствия, в том числе в языковом отношении. В реальном училище, которое Евгений окончил в 1900 г., обучение уже велось по-русски. Незадолго до этого его собственная русификация совершила новый виток: по консисторскому

3 LVVA. F. 2706. Apr. 1. l. 61. lp. 1094 op.–1095; LVVA. F. 7085. Apr. 1. l. 224. lp. 50 op.

4 Ibid. Apr. 2. l. 13. lp. 22 op.–23.

5 Ibid. l. 15. lp. 22 op.–23; Apr. 3. l. 33. lp. 50 op.–51; Apr. 4. l. 189. lp. 37; l. 190. lp. 40–40 op. Могилы Михаила (умер 14 января 1904 г.) и Донаты (умерла 31 октября 1918 г.), а также их младшего сына Сигизмунда (1896–1984) сохранились на католическом кладбище Даугавпилса.

6 Ibid. F. 2706. Apr. 1. l. 61. lp. 1094 op.–1095.

указу в апреле 1899 г. фамилия отца Евгения в метрической записи о его рождении была переправлена на «Ладнов»⁷, чтобы юноша получил аттестат уже под ней.

Таким образом, «шляхетская» стратегия польских крестьян уступила место русской. Окончательной аккультурацией Евгения должен был стать переход из католичества в православие. Тем не менее вопрос о его вероисповедании остается спорным: в документах одного и того же периода он записан то католиком, то православным⁸. Очевидно, для самого Ладнова оно не имело принципиального значения. Его самоощущение, как это бывает у людей технического склада, вообще было достаточно прагматичным. Как покажут последующие события, куда больше национальных, религиозных и языковых вопросов Ладнова интересовали общественный статус и материальное благополучие.

Что касается образовательной стратегии, то ее выбор для Евгения был очевиден. Его отец работал на железной дороге, да и сама эпоха технологического подъема обусловила повышенный спрос на инженерные специальности. Но денег на продолжение обучения в семье не было. В результате Евгений, как и ранее его отец, пошел на военную службу – единственный из своего класса, тогда как его соученики по большей части поступили в Рижский политехнический институт, главную профильную высшую школу региона, и в аналогичные учебные заведения в Петербурге⁹. Как указано в послужном списке Ладнова, 30 августа 1900 г. он был принят в Московское военное училище «юнкером рядового звания»¹⁰. В декабре 1901 г. Ладнов был произведен в младшие, а через полгода – в старшие портупей-юнкера, то есть выполнял некоторые офицерские обязанности по отношению к своим соученикам. В августе 1902 г. он окончил курс по 1-му разряду с чином подпоручика, получив почти годичное старшинство. Все это говорит о высокой успеваемости и мотивации Ладнова как курсанта.

Получив право выбрать себе часть для несения службы, Ладнов остановился на 84-м пехотном Ширванском полку, куда прибыл 16 сентября 1902 г. и был «зачислен в списки». Очевидно, выбор региона (полк стоял в Хасав-Юрте Терской области, сейчас территория

7 Ibid. F. 7085. Apr. 2. l. 13. lp. 22 op.–23.

8 ЦДІАК. Ф. 127. Оп. 1080. Д. 133. Л. 158 об.–159; Д. 164. Л. 217 об.–218.

9 Князев А. Ф. Историческая записка Двинского реального училища, 1833–1903 гг. Витебск, 1904. С. 103–104.

10 Сведения о военной службе 1900–1906 гг. см.: РГВИА. Ф. 409. П/с 11-046. Л. 1–3 об.

Дагестана) был продиктован материальными и карьерными соображениями. Однако, насколько можно судить, на новом месте Ладнов не прижился. Уже в октябре того же года он взял трехнедельный отпуск, по возвращении из которого был командирован в штаб Кавказской саперной бригады в Тифлис «для держания экзамена на перевод в инженерные войска». После успешной сдачи экзамена в марте 1903 г. последовало повторное испытание при Николаевском инженерном училище в Петербурге «на право прикомандирования к инженерным войскам». В конечном итоге Ладнов получил назначение в 4-й понтонный батальон в Киев, куда прибыл в июне 1903 г. в качестве прикомандированного, а в январе 1904 г. был переведен сюда окончательно. С этого момента служба Ладнова будет связана с территорией будущей Украины.

На новом месте дела, казалось бы, пошли в гору. Уже в феврале 1904 г. Ладнов был назначен исполняющим должность казначея и квартирмейстера батальона, а также был введен в комиссию по заведыванию офицерским заемным капиталом и библиотекой. Спустя год, в феврале 1905 г., Ладнов был переведен в 11-й саперный батальон, где с мая по июль 1905 г. командовал ротой, а с июля по декабрь 1905 г. заведовал складом взрывчатки. 1 октября 1905 г. Ладнов был произведен в поручики с немалым (более года) старшинством. В том же месяце в Демевке, ближнем киевском предместье, 25-летний офицер заключил брак с 21-летней Марией Васильевной Григорович. Поручителем по невесте выступил ее отец, отставной поручик Василий Абрамович Григорович¹¹. Там же в октябре 1906 г. у супругов родилась дочь Вера¹².

Свои неожиданные коррективы в жизнь молодого офицера внесла революция 1905–1907 гг. В это время политика стала проникать в среду военных, традиционно далеких от идейных баталий. Это коснулось и Ладнова. В документах Департамента полиции он проходил по делу поручика 273-го пехотного Дунайского полка Ивана Яковлева. Последний, как следовало из донесений, имел «близкие сношения» с активистами Одесского комитета партии эсеров. Будучи в должности заведующего полковым лазаретом, Яковлев вел пропаганду и снабжал солдат своего полка революционной литературой, которая впоследствии была обнаружена у него на квартире. Во время еврейского погрома в Одессе 18–21 октября 1905 г. Яковлев под предлогом защиты лазарета затребовал из полка оружие, но вместо этого

11 ЦДИАК. Ф. 127. Оп. 1080. Д. 133. Л. 158 об.–159.

12 Там же. Д. 164. Л. 217 об.–218.

вооружил находившихся на излечении солдат, сформировал из них два взвода и вывел их на улицы, стреляя «не только в погромщиков, но и в казаков и полицию». Одним из взводов, по данным полиции, командовал близкий знакомый Яковлева, поручик Ладнов¹³.

Стоит отметить, что роль Ладнова в октябрьских событиях в Одессе так и не была прояснена следствием. Сам он высказался о своих связях с эсерами противоречиво. С одной стороны, Ладнов утверждал, что занялся «политической работой» еще в 1903 г.¹⁴ Однако в своем *opus magnum*, книге «Огнем и мечом, голодом и болезнями», он писал, что присоединился к военной организации одесских эсеров в 1905 г., а его политическая позиция и участие в борьбе с погромами стали причиной «преследований, придинок, ограничений по службе»¹⁵. Это утверждение едва ли соответствовало реальности. Ладнов продолжал служить в Одессе и только в октябре 1908 г. был переведен сперва в 7-й саперный батальон в Харьков, а затем в Киев – в 14-й саперный батальон. В октябре 1909 г. Ладнов был произведен в штабс-капитаны и, действительно, дальше в чинах не продвинулся. Тем не менее в 1912 г. он был награжден орденом Св. Станислава 3-й степени и направлен в командировку в столицу – в недавно открытую Интендантскую академию. К лету 1914 г. Ладнов находился на должности обучающего в саперном классе своего батальона¹⁶.

В боях Первой мировой войны Ладнов непосредственного участия не принимал. Об этом свидетельствует то, что орден Св. Анны 3-й степени был получен им в апреле 1915 г. со стандартной формулировкой «за отлично-усердную службу и труды, понесенные во время военных действий». Орден Св. Анны 2-й степени, пожалованный Ладнову в июне 1916 г., тоже не имел положенных в таком случае мечей. Эта награда застала его уже в госпитале: за месяц до этого Ладнов был эвакуирован в Харьков из-за язвы желудка. В конечном итоге в мае 1917 г. он был переведен в 1-й запасный саперный батальон, стоявший в городе. Также в это время Ладнов фигурировал как помощник начальника 4-й пехотной запасной бригады генерала Курилко¹⁷,

13 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 235. Д. 237. Л. 3, 12 об.–13, 15.

14 Архіви БНР. Т. 1. Вільня, 1998. С. 912.

15 Ладнов Е. Огнем и мечом, голодом и болезнями. Варшава, 1922. С. 353.

16 РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 8453. Л. 63 об.–64.

17 Кузьмина Т. Ф. Революционное движение солдатских масс Центра России накануне Октября (по материалам Московского военного округа). М., 1978. С. 273.

а в дни корниловского выступления в конце августа 1917 г. исполнял обязанности начальника харьковского гарнизона¹⁸.

С началом революционных событий весной 1917 г. Ладнов окупился в политику. По собственным словам, он участвовал в аресте харьковского губернатора, способствовал признанию власти Временного правительства и занял пост товарища (заместителя) председателя Харьковского губернского совета крестьянских депутатов¹⁹. Местные большевики отнеслись к этой инициативе враждебно, считая ее «контрреволюционной». Противоречия нарастали в условиях того, что Харьковская городская дума контролировалась эсерами и меньшевиками. В августе 1917 г. дума направила среди делегатов на Государственное совещание в Москве Владимира Карелина – своего бывшего председателя и будущего советского наркома – и Ладнова. Имя последнего вновь зазвучало в конце октября 1917 г., когда он попытался поднять юнкеров Чугуевского военного училища против большевистского ревкома в Харькове и арестовал прибывших к нему переговорщиков. Таким образом, для большевиков Ладнов стал символом ненавистного «офицерства» и «контрреволюции»²⁰.

Противоборство эсеров и большевиков в Харьковской думе продолжалось до конца ноября – начала декабря 1917 г. В это время Ладнов, выступая от эсеров-оборонцев, поддержал Центральную Раду, взявшую на себя «инициативу организации областной государственной власти, которая стремится вернуть страну на путь воссоздания государственного порядка и усиления и сохранения завоеваний революции»²¹. После обострения советско-украинского конфликта (Центральная Рада не признала Октябрьской революции) и начала вооруженных столкновений Ладнову пришлось покинуть Харьков и перебраться в Минск.

Как представляется, Минск был выбран Ладновым сразу по нескольким причинам. С одной стороны, все еще существовал Западный фронт, и на данный момент здесь для офицера было более безопасно, чем в близлежащих Киеве или Ростове (ситуация, впрочем, вскоре переменится). Кроме того, Ладнов мог знать о созыве Всебелорусского съезда и надеялся встретить там эсеров, знакомых ему по Государственному

18 Южный край. № 14207 (30.08.1917).

19 Ладнов Е. Огнем и мечом, голодом и болезнями. С. 353.

20 Эрдэ Д. И. Революция на Украине: от керенщины до немецкой оккупации. [Харьков], 1927. С. 77, 102, 126.

21 Чорний Д. М. Третій Універсал Української Центральної Ради і харківське міське суспільство // Дриновський збірник. Т. 10. Харків, 2019. С. 342.

совещанию, – таковым, в частности, был один из активистов белорусского движения Язеп Воронко. Какую роль сыграло то, что Ладнов был уроженцем Витебщины, судить сложно. Хотя он и вошел в секретариат президиума съезда, а позднее стал членом Рады Белорусской народной республики (БНР)²², его едва ли можно назвать белорусским политиком в полном смысле слова. Если предыдущие семейные стратегии («шляхетская» и «обрусительная») были долгосрочными, то с белорусскими реалиями Ладнов был знаком весьма поверхностно. Как представляется, он больше связывал себя с Украиной, где по долгу службы провел много лет. Так, уже весной 1918 г. Ладнов вернулся в Харьков и тогда же, как знаток украинских реалий, был привлечен в качестве консультанта делегацией БНР, которая вела переговоры с правительством Украинской народной республики (УНР) в Киеве²³.

Как можно видеть, Ладнов весьма чутко реагировал на изменения политической конъюнктуры, предвстая то защитником Временного правительства, то сторонником местных автономий. Очередную смену его жизненной траектории (но не идентичности!) стоит рассматривать скорее как отход от централизма, который теперь ассоциировался с большевиками, к регионализму – его в указанное время нередко демонстрировали эсеры и меньшевики на местах (Украина, Грузия). При этом любопытно, что прежняя профессиональная идентичность кадрового военного у Ладнова уступила место политике: впоследствии он не претендовал на руководство вооруженными силами, как его соратники по белорусскому движению К. Езовитов или К. Кондратович, и использовал свои старые навыки исключительно в политическом русле. В этом смысле неудивительно, что республиканец Ладнов, отрицательно относясь к монархическому строю Украинской державы, не присоединился к гетманской армии, подобно многим «бывшим» офицерам. Более того, по собственным словам, он организовал в Харькове некий «Военно-крестьянский союз», занимавшийся диверсиями против германских оккупационных войск²⁴. В этом отношении характеристика Ладнова как «убежденного монархиста и националиста», встречающаяся в советской литературе²⁵, не соответствует действительности.

22 Архівы БНР. С. 35, 117.

23 Там же. С. 118.

24 Ладнов Е. Огнем и мечом, голодом и болезнями. С. 354.

25 Старков Б. А. Наративные источники и их значение в изучении роли масонства во второй русской революции // Нарастание революционного кризиса в России в годы первой мировой войны (1914 – февраль 1917). Л., 1987. С. 116.

Вновь о белорусах Ладнов вспомнил в конце 1918 г., когда прибыл в Одессу, чтобы вручить «союзному командованию меморандум... о немецкой скрытой работе на юге России»²⁶. Белорусские организации существовали в Одессе еще с конца 1917 г., когда, во время распада «старой» армии, на Румынском фронте была предпринята попытка формирования белорусских частей. В начале 1919 г. там оформилось Временное краевое правительство Белоруссии во главе с Александром Бохановичем, которого остальные белорусские деятели признали самозванцем²⁷. Тем не менее в апреле 1919 г. Ладнов отправился в Париж как раз от имени одесских белорусов²⁸. Можно говорить, что к этому моменту он идейно оформился как региональный политик. Белорусское наполнение этого регионализма, видимо, было выбрано им по тому принципу, что в украинском уже существовала своя плеяда деятелей, и конкуренция там была выше.

В следующие несколько лет Ладнов будет менять вектор уже внутри белорусского движения. Очевидно, благодаря своему политическому и организационному опыту, он сумел произвести благоприятное впечатление на премьер-министра БНР – Антона Луцкевича. Уже в мае 1919 г. Ладнов был произведен правительством БНР в полковники, в том же месяце стал «руководителем» (министром) обороны²⁹, а затем фактически возглавил белорусскую делегацию на Парижской мирной конференции. В Париже Ладнов сразу развил бурную активность. Так, он быстро стал конфидендом Луцкевича, занимаясь его личными вопросами – от поддержания репутации до получения виз. Кроме того, Ладнов стремился установить контакты с максимально большим числом контрагентов из числа представителей Антанты, а также пытался заниматься всем и сразу – от представительских функций до заключения торговых соглашений. Учитывая важность мирной конференции для белорусского политикума, Ладнов как дипломат получил чрезвычайные полномочия. В конечном итоге в феврале 1920 г. Луцкевич даже передал ему свой пост министра иностранных дел, который занимал по совместительству. Поскольку Ладнов одновременно занимался вопросами обороны, рассматривалась возможность его производства в генерал-майоры³⁰.

26 Ладнов Е. Огнем и мечом, голодом и болезнями. С. 354.

27 Подробнее см.: Михалюк Д. Беларуская Народная Рэспубліка 1918–1920 гг.: ля вытокаў беларускай дзяржаўнасці. Смаленск, 2015. С. 350–351.

28 Архівы БНР. С. 340.

29 Там же. С. 345, 349.

30 Там же. С. 593–594, 654–689.

Насколько можно судить, белорусская стратегия для Ладнова оказалась наиболее успешной – по крайней мере с точки зрения внешней атрибутики. С середины 1919 (прибытие на мирную конференцию в Париже) по осень 1920 (начало переговоров между Польшей и Советской Россией) он действительно был одной из центральных фигур белорусской дипломатии и обладателем сразу двух министерских портфелей в правительстве БНР. В какой-то момент Ладнов сжился со своей новой ролью. Если еще в начале 1920 г. он пользовался исключительно русским языком, то уже в августе того же года даже в личных письмах он пытался писать по-белорусски, а в декабре называл белорусский «родным языком» (sic!) и обещал выучить его на должном уровне³¹.

Впрочем, как и в случае со многими другими деятелями, примкнувшими к белорусскому движению на сломе эпохи, Ладнова не в меньшей степени интересовало личное финансовое благополучие. Очевидно, именно поиском денежных источников можно объяснить его крайне непоследовательную позицию. Так, Ладнов подтолкнул Луцкевича начать переговоры с польской стороной, в то время как сам высказывал антипольскую позицию и стремился к сближению с русской эмиграцией³². Это, однако, не мешало Ладнову при необходимости обвинять собственных соратников по «белорусскому делу» в создании «монархическо-патриотической русской организации»³³. По мнению историков, именно ухудшение финансового положения парижской миссии БНР, а также необходимость выбирать между новыми центрами силы – Литвой, куда переместилось правительство БНР во главе с В. Ластовским, и Польшей, где находились оппозиционные ему белорусские организации, – подтолкнули Ладнова в начале 1921 г. сделать выбор в пользу Варшавы. Примерно в это же время, как следует из документов, он стал агентом польской контрразведки (дефензивы)³⁴. В мае того же года Ладнов был формально исключен из правительства БНР на основании того, что стал «вести свою личную политику, часто не ставя в известность о своих действиях весь кабинет министров»³⁵.

Между 1921 и 1923 гг. Ладнов, вместе с другим активным участником белорусского движения, Леоном Дубейковским, возглавлял

31 Там же. С. 846–847, 992.

32 Чарнякевіч А. М. Міністр БНР. С. 245.

33 Архівы БНР. С. 768.

34 Чарнякевіч А. М. Міністр БНР. С. 246.

35 Архівы БНР. С. 1117.

Белорусский комитет в Варшаве. Создание данной организации было инспирировано польскими властями с очевидной целью – не допустить консолидации национальных меньшинств на выборах в Сейм осенью 1922 г. и склонить другие белорусские структуры к сотрудничеству. Подготовленная Ладновым от имени Комитета брошюра призывала к беспартийному «государственному единению на креслах», где «единственной опорой» стал бы «благородный вождь польского народа маршал Пилсудский». При этом любопытно, что в содержательной части излагалась классическая эсеровская программа: перераспределение земли, свобода совести, право на национальное самоопределение³⁶. В вышедшей тогда же под эгидой Комитета книге «Огнем и мечом, голодом и болезнями» Ладнов в конспирологическом ключе увещевал читателей, что причиной всех бед в российской и польской истории было «немецкое засилье». Очевидно, Ладнова не смущало, что его ближайший сотрудник, Дубейковский, был женат на немке. Поражение «государственного единения» и рост влияния Белорусского клуба в Сейме привели к прекращению денежных субсидий Комитета и его упадку. Ладнов, который в глазах белорусов Речи Посполитой окончательно превратился в «польского агента», быстро сошел с политической сцены и исчез³⁷.

Вероятно, неудачи Ладнова были не единственной причиной, по которой от него отстранились и поляки, и белорусы. Уже во Франции у Ладнова проявились те характерные черты, которые впоследствии составят картину его безумия. В своих письмах к Луцкевичу из Парижа в начале 1920 г. он просил тогдашнего главу белорусского правительства шифровать полученную информацию, использовать кодовые обозначения и никому не доверять³⁸. Среди бумаг Ладнова, сохранившихся в Государственном архиве Российской Федерации, есть папка, озаглавленная архивистами «Письма Ладнова разным лицам», относящаяся к началу 1930-х гг. На самом деле это не переписка в привычном смысле слова, а несвязные записки, нацарапанные на обрывках бумаги, зачастую не адресованные конкретному человеку. Из них следует, что Ладнова постоянно преследуют «провокаторы» и «франк-масонская полиция». Во всех окружающих людях – от новой горничной в пансионе до случайных пассажиров метро – он видел «агентов» тайных сил, присланных для организации

36 [Ладнов Е.] Против блока с немцами. Барановичи, 1922. С. 14–16.

37 Чарнякевіч А. М. Міністр БНР. С. 248.

38 Архівы БНР. С. 655–668.

«подлогов» и «ловушек»³⁹. В это время Ладнов отрекается от своей прежней германофобии и начинает считать, что в реальности все зло исходит от «масонов» и «жидов»⁴⁰. Стоит отметить, что антисемитизм Ладнова проявился уже в книге 1922 г., когда он утверждал, что «желает добра иудеям», однако тут же ссылался на «Протоколы сионских мудрецов» и зловещую роль Ротшильда⁴¹.

Вместе с тем благодаря этим «письмам» мы узнаем, что после семилетнего безвестного отсутствия Ладнов в июле 1930 г. «всплыл» в Брюсселе (по адресу Rue de President, дом 29), а уже в августе того же года оказался в Париже (в бумагах фигурируют улицы Maurice-Berteaux и Soufflot)⁴². Осень 1930 – зиму 1931 гг. Ладнов провел в парижском пригороде Исси-Ле-Мулино, где жил в пансионе на Rue Meudon, дом 7⁴³. В это время Ладнов влачил нищенское существование и, по собственному признанию, иногда не ел по три дня⁴⁴. Очевидно, тогда же у него возникло намерение вернуться в родной Двинск, на тот момент находившийся на территории Латвии⁴⁵. Тем не менее в декабре 1931 г. Ладнов неожиданно объявляется в немецком Эльберфельде (по адресу Teichstrasse, дом 16), где составляет черновик прошения на имя президента Пауля фон Гинденбурга о принятии в «гессен-дармштадтское подданство»⁴⁶. Как следует из дневниковой записи просителя от 10 января 1932 г., он бежал в Германию из Франции от очередной «провокации»⁴⁷.

Последний документ, связанный с Ладновым, – это его письмо в Русский научный институт в Берлине, написанное 4 февраля 1932 г. там же, по адресу Kastanienallee, дом 71. В нем бывший министр просил принять его в число сотрудников в виду того, что ему грозит высылка из Германии⁴⁸. Дальше следы Ладнова теряются. Как следует из инвентарных книг Русского заграничного исторического архива в Праге, его документы и письма попали туда в апреле 1933 г. при посредничестве

39 ГА РФ. Ф. Р5881. Оп. 2. Д. 777. Л. 45, 48 об.–49, 51 об.–52.

40 Там же. Д. 944. Л. 8 об.–12 об.

41 Ладнов Е. Огнем и мечом, голодом и болезнями. С. 355.

42 ГА РФ. Ф. Р5881. Оп. 2. Д. 944. Л. 3, 14, 27.

43 Там же. Л. 7, 24–25.

44 Там же. Д. 777. Л. 46.

45 Там же. Д. 944. Л. 11–12.

46 Там же. Л. 1.

47 Там же. Д. 777. Л. 13.

48 Там же. Д. 944. Л. 12.

берлинского представителя архива В. Кудрявцева⁴⁹. Это может говорить о том, что к указанному моменту Ладнов был уже мертв. Его жена Мария Васильевна умерла в Париже в 1967 г.⁵⁰ Там же, во Франции, осталась дочь Ладновых, Вера.

* * *

Как принято считать, революционные события 1917 г. в России сформировали такие обстоятельства, в которых привычные идентичности (национальные, языковые, профессиональные), ранее считавшиеся незыблемыми, подверглись заметной ревизии. Тем не менее более глубокое изучение проблематики показывает, что вопросы самоощущения и стратегии адаптации (вплоть до приспособленчества) не были связаны исключительно с проблемными периодами истории и даже друг с другом. Восприятие той или иной модели поведения при групповом взаимодействии всякий раз было индивидуальным и могло либо становиться идентичностью (сливаться с ней), либо использоваться инструментально и ситуативно. В этом отношении переходная эпоха от империи к новым политическим образованиям скорее сильно расширила «пространство допустимого», а связанный с ней хаос породил самые невероятные вариации и комбинации в области самоопределения и «встраивания» в новую реальность.

Случай Евгения Ладнова призван продемонстрировать, что, в условиях постоянной регламентации жизни со стороны государства, приспособление в рамках одной семьи могло происходить поколениями и достаточно быстро приводило к размыванию первоначальной идентичности. С другой стороны, подобная семейная стратегия позволяла использовать текущие реалии в собственных интересах. Как можно заметить, для прагматика Ладнова повседневный язык или национальная принадлежность не имели эмоционального значения – напротив, здесь первенствовали вопросы социального и материального характера. Так было и с переходом от «польскости» к «русскости», а затем и к «белорусскости». Вместе с тем проблемным моментом здесь становилось сочетание подобного прагматизма и личных устремлений. Где-то они совпадали с актуальным статусом человека, однако в других случаях они могли относиться к совершенно иной, порой противоречившей его положению сфере. В жизни Ладнова такое расхождение случалось не раз. Став офицером и добившись в этом качестве определенных предпочтений,

49 Там же. Ф. Р7030. Оп. 1. Д. 135. Л. 20 об.

50 Чарнякевич А. М. Міністр БНР. С. 248.

он разрывался между своим официальным статусом и не авторизованной властями политической деятельностью. Уже будучи участником белорусского движения, Ладнов пытался совмещать деятельность на благо своей «новой родины» и сомнительные с точки зрения белорусов контакты с польской стороной. Постоянное расхождение унаследованного из семьи узуса и личностного настроения в итоге стало для Ладнова фатальным и вылилось в душевную болезнь. Заключительные слова его главной книги – «Никому не желаю зла!» – стали своего рода оправданием его противоречивых жизненных устремлений.

Источники и литература

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).
Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА).
Центральный державний історичний архів в Києві (ЦДІАК).
Archiwum Państwowe w Warszawie. Oddział w Otwocku.
Latvijas Valsts vēstures arhīvs (LVVA).

Архівы Беларускай народнай рэспублікі. Т. 1. Вільня, 1998. 850 с.
Князев А. Ф. Историческая записка Двинского реального училища, 1833–1903 гг. Витебск: Губернская типолитография, 1904. 105 с.

Кузьмина Т. Ф. Революционное движение солдатских масс Центра России накануне Октября (по материалам Московского военного округа). М.: Наука, 1978. 310 с.

Ладнов Е. Огнем и мечом, голодом и болезнями. Варшава: Белорусский комитет, 1922. 355 с.

[*Ладнов Е.*] Против блока с немцами. Барановичи: Белорусский центральный избирательный комитет, 1922. 16 с.

Міхалюк Д. Беларуская Народная Рэспубліка 1918–1920 гг.: ля вытокаў беларускай дзяржаўнасці. Смаленск: Інбелкульт, 2015. 495 с.

Старков Б. А. Нарративные источники и их значение в изучении роли масонства во второй русской революции // Нарастание революционного кризиса в России в годы первой мировой войны (1914 – февраль 1917). Л.: ЛГПИ, 1987. С. 111–122.

Чарнякевіч А. М. Міністр БНР: дзіўныя шляхі Яўгена Ладнова // Личность в истории: героическое и трагическое. Брест: БрГУ, 2012. С. 243–249.

Чорний Д. М. Третій Універсал Української Центральної Ради і харківське міське суспільство // Дриновський збірник. Т. 10. Харків: ХНУ ім. Каразіна, 2019. С. 336–344.

Эрдэ Д. И. Революция на Украине: от керенщины до немецкой оккупации. [Харьков]: Пролетарий, 1927. 272 с.
Южный край. № 14207 (30.08.1917).

References

Arkhivy Belaruskai Narodnai Respubliki. Vol. 1. Vil'nia; Mensk: Nasha Niva, 1998, 850 p.

Charniakovich, A. M. “Ministr BNR: dziunyia shliakhi Iauhena Ladnova.” *Lichnost' v istorii: geroicheskoe i tragicheskoe*. Brest: BrGU, 2012, pp. 243–249.

Chorny, D. M. “Tretii Universal Ukraïns'koi Tsentral'noi Rady i kharkivs'ke mis'ke suspil'stvo.” *Drynovs'kyj zbirnyk*. Vol. 10. Kharkiv: KHNU im. Karazina, 2019, pp. 336–344.

Erde, D. I. *Revoliutsiia na Ukraine: ot kerenshchiny do nemetskoï okkupatsii*. [Khar'kov]: Proletarii, 1927, 272 p.

Kuz'mina, T. F. *Revoliutsionnoe dvizhenie soldatskikh mass Tsentra Rossii nakanune Oktiabria (po materialam Moskovskogo voennogo okruga)*. Moskva: Nauka, 1978, 310 p.

Ladnov, E. *Ogniom i mechom, golodom i bolezniami*. Varshava: Belorusskii komitet, 1922, 355 p.

[Ladnov, E.] *Protiv bloka s nemtsami*. Baranovichy: Belorusskii tsentral'nyi izbiratel'nyi komitet, 1922, 16 p.

Mihaliuk, D. *Belaruskaiia Narodnaia Respublika 1918–1920 hh.: lia vytokau belaruskaj dziarzhaunastsi*. Smalensk: Inbelkul't, 2015, 495 p.

Starkov, B. A. “Narrativnye istochniki i ikh znachenie v izuchenii roli masonstva vo vtoroi russkoi revoliutsii.” *Narastanie revoliutsionnogo krizisa v Rossii in gody pervoi mirovoi voiny (1914 – fevral' 1917)*. Leningrad: LGPI, 1987, pp. 111–122.

DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.05

I. I. Barinov, E. V. Korovchenko

“I don’t want to harm anyone!”: Evgeny Ladnov and his Life Paths

Igor I. Barinov

Candidate of History, senior research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: ingobarinov@gmail.com

ORCID: 0000-0003-0154-1506

Elena V. Korovchenko
Independent Researcher
Minsk, Republic of Belarus
E-mail: poiskpredkov028@gmail.com
ORCID: 0009-0000-7796-974X

Citation

Barinov I. I., Korovchenko E. V. “I don’t want to harm anyone!”: Evgeny Ladnov and his Life Paths // *Slavic Almanac*. 2024. No 1–2. P. 103–119 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.05

Received: 29.12.2023.

Revised: 15.02.2024.

Accepted: 12.03.2024.

Annotation

The article studies the biography of Yevgeny Ladnov, one of the activists of the Belarusian People’s Republic (BNR), who held high positions in its government and headed the Belarusian delegation at the Paris Peace Conference. It is commonly believed that the changes brought by the 1917 revolution in Russia actively contributed to the formation of new life trajectories for low-ranking officials now occupying positions of authority, those of ministers and generals. In a number of cases, new identities emerged (in particular, the transition from Russian to Belarusian self-consciousness), but sometimes such changes were purely instrumental in nature and were merely a reaction to the times changing drastically. Using the case of Ladnov’s family history, it could be shown that the last scenario found its implementation long before the revolution, and the events of 1917 were just the next stage in the same process. Being an ethnic Pole and an inhabitant of the western borderlands of the Russian Empire, Ladnov, went through a series of situational changes from “Polishness” through “Russianness” to “Belarusianness”. At the same time, his personal energy contributed to the fact that he sincerely perceived the patterns inherent in each of the identities. The paper is based on previously unknown documents relating to Ladnov and his family.

Keywords

Russian Empire, Russian revolution, Belarusian People’s Republic, Belarusian national movement.